

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОХАРСКИХ ЯЗЫКОВ

Л.М. Сверчков

Тохарские языки стали известны благодаря находкам в Восточном (Китайском) Туркестане текстов, написанных на пальмовых листьях, бумаге и деревянных табличках особым типом центральноазиатского наклонного письма брахми¹. Уникальные природные особенности способствовали удивительной сохранности рукописей, собранных в развалинах городов и поселений на северной окраине пустыни Такламакан. Как выяснилось позже, в основном это были переводы санскритских буддийских текстов, письма, хозяйственные монастырские документы, магические, гадательные и медицинские наставления. В 1892-1893 гг. академик С.Ф. Ольденбург впервые опубликовал фотографию текста «на неизвестном языке», переданную ему русским консулом в Кашгаре Н.Ф. Петровским. Уже тогда Н.Ф. Петровский предложил обратить внимание на сведения античных источников о народе тохарах, обитавших в древности восточнее Хотана. В конце XIX – начале XX в. большое количество манускриптов было доставлено также в музеи Западной Европы, где к их изучению могли приступить специалисты – лингвисты и палеографы. А.А. фон Лекок и Ф.-В.-К. Мюллер предположили индоевропейскую основу неизвестного языка, а в 1908 г. выдающиеся исследователи Э. Зиг и В. Зиглинг подтвердили его индоевропейский характер, назвав этот язык «тохарским», составили первую грамматику и определили наличие двух диалектов – А (восточный) и В (западный) (Литвинский, 1984, с. 10; Литвинский, Терентьев-Катанский, 1988, с. 68; Иванов, 19926, с. 222-226; Назирова, 1986)². Большим событием стала публикация в 1958 г. В.С. Воробьевым-Десятовским фрагмента санскритскотохарского В словаря из собрания Н. Ф. Петровского³. И этот словарь, и пометки переводчиков на полях и оборотной стороне рукописей свидетельствуют о том, насколько серьезное внимание уделялось распространению буддизма, и насколько ответственно обитатели монастырей относились к самому процессу перевода священных книг. Помимо буддизма,

тохарские языки служили также для проповеди манихейства, что подтверждается находкой двух уникальных середины X в. Один из них двуязычный (тохарский В и древнетюркский) с гимном Мани, второй (среднеперсидский) содержит гимн, обращенный к Иисусу (Иванов, 1992, с. 260-261).

Всего к настоящему времени насчитывается приблизительно 3200 документов и их фрагментов, из них около 500 на тохарском А. Рукописи с текстами на тохарском В (западнотохарском) найдены в районах Кучи, Карашара и Турфана, на тохарском А (восточнотохарском) – около Карашара и Турфана. Датируются они, в основном, VI-IX вв., однако старейший манускрипт из Кучи, написанный в архаичной манере, может быть отнесен к VI в., не исключено, что к V в. н. э. Последние по времени тохарские тексты датируются X и, вероятно, даже XI в. (Carling, 2005, с. 47-48). В VII в. тохарский А был уже мертвым языком, совершенно непонятным для носителей тохарского В и сохранялся только в монастырях востока Таримского бассейна, где использовался для литургий⁴.

Анализ слов, заимствованных из среднеиранских языков – согдийского, хотанского и, особенно, бактрийского, показал, что в период правления Канишки (начало II в. н. э.), возможно, еще существовал единый, не разделившийся на А и В тохарский язык (Pinault, 2002, с. 262). Различие между языками объясняется долгим периодом независимого развития, продолжавшимся приблизительно от 500 до 1000 лет, к тому же на позднем этапе тохарский А (восточный) в большей степени подвергся влиянию тюркских языков (Lane, 1966, с. 226-232). В результате фонологического анализа в тохарском В выделяется три диалектные группы: восточная, престижная центральная и наиболее архаичная западная (Winter, 1955, с. 224; Иванов, 1992, с. 242, 269). Т. Барроу на основании изучения документов III в. из города Ния – столицы государства Крорайна (Лоулань) пришел к выводу о возможности существования в южных областях бассейна р. Тарим третьего тохарского языка – тохарского С (Burrow, 1935, с. 675). В северо-западном пракрите светских документов из Нии, названном Т. Барроу «krogianic» (крорайни), в отличие от соседнего Хотана, зафиксировано влияние субстратного индоевропейского, предположительно, тохарского языка. Кроме того, засвидетельствовано более тысячи имен собственных и около сотни слов, происходящих (или

родственных) из тохарских языков А и В (Воробьева-Десятовская, 1984, с. 68-69).

Многие ученые отрицали само определение «тохарские» по отношению к языку документов из Кучи, Карашара и Турфана как не отражающее самоназвание народа, оставившего эти тексты. Все осознавали искусственность построения подобного рода, когда «неизвестному языку» присвоили имя тохарского, руководствуясь данными греко-римских письменных источников. В античной традиции известны только три народа, которые можно приурочить к территории Китайского Туркестана – серы, тохары и фруны (или фауны). Ход дальнейших рассуждений крайне прост: коль скоро язык рукописей индоевропейский (но не иранский или индийский), а серы – это китайцы, фруны – гунны, как полагало почему-то большинство исследователей, значит, тексты оставили тохары⁵.

В 1938 г. В. Б. Хеннинг проанализировал документ 2-й половины VIII в., написанный на так называемом «хотано-сакском» языке и содержащий перечень народов, среди которых упоминаются «ttaugara», а также обратил внимание на периодически встречающееся в различных текстах название народа или области «четыре Ttwyr(y)». По мнению автора, эта область соответствует владению Argi или Arki (санскритское название Agni), располагавшемся в восточной части Таримского бассейна, и именно с ее обитателями следует связывать восточнотохарский язык А (Henning, 1938; Gershevitch, 1981, с. 697-698). С тех пор определение «тохарский» по отношению к языку восточно-туркестанских манускриптов, хотя и с определенной долей скептицизма, прочно вошло в научный обиход и сохранилось даже тогда, когда было относительно точно установлено самоназвание носителей тохарского А языка – «ārsí» и тохарского В языка – «kuṣāññe» (кучанский)⁶.

В последующий период дискуссия по поводу тохарских языков, их названия, географии, этнического определения, участия в исторических процессах, происходивших в Центральной Азии, приобрела совершенно ожесточенный характер. Достаточно сказать, что в ней приняли участие наиболее выдающиеся ученые самых разных стран и специальностей: А. Стейн, Стен Конов, Р. Хёрнле, Э. Лейман, В. Шульце, С. Леви, Ж. Шарпантье, В. Куврер, Э. Бенвенист, А. ван Виндекенс, В. Винтер, Дж. Лэйн, Т. Барроу, Х. Педерсен, Ф. В. Томас, Е. Швентнер, О. Менгин, А. Франке, В. Краузе, Дж. Маркварт, В. В. Тарн, В. Б. Хеннинг, Х. Бэйли, П. Пельо, Б. Грозный, Й.

Покорны, В. В. Бартольд, Н. А. Бронников, Н. Д. Миронов, А. А. Сталь-Гольштейн, Ф. И. Кнауэр, И. Умняков, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам и многие-многие другие.

Для историков камнем преткновения стал вопрос о том, как совместить отрывочные сведения греко-римских античных источников о тохарах с не менее краткими данными китайских хроник о владениях и обитателях Западного края, и какое отношение они имеют к носителям тохарских языков. В итоге дискуссия не принесла ощутимых результатов, показав всю сложность проблемы, получившей название «тохарской». Суть ее замечательно сформулировал И. Умняков: «Вопрос о тохарах в целом основан на сравнительно небогатом фактическом материале, и большинство высказываний имеет значение провизорных гипотез, которые, однако, стимулируют дальнейшее изучение.

При современном состоянии наших знаний все рассуждения о тохарах, их языке и происхождении не будут убедительными, пока

- 1) не будет произведен полный анализ лингвистического материала, добытого в Восточном Туркестане,
- 2) не будут приведены в известность еще неиспользованные китайские источники о тохарах (юе-чжи) и еще раз проверены запутанные взаимоотношения раннекитайских и западных сведений о тохарах и, наконец,
- 3) не будет выяснен преобладающий среди них антропологический тип» (Умняков, 1940, с. 193).

В качестве четвертого пункта хотелось бы добавить проведение археологических исследований.

Лингвисты, в отличие от историков, опирались на реальный фактический материал, благодаря чему достигли существенного прогресса в определении природы и места тохарского языка в общей индоевропейской семье. После того как было установлено наличие двух тохарских языков (а не диалектов), отличающихся необыкновенной архаичностью, выяснилось, что они относятся к западной группе centum индоевропейских языков⁷. Этот факт особенно сильно впечатлил исследователей, поскольку подрывал саму основу сравнительного языкознания – традицию деления

индоевропейских языков на языки centum и языки satem (Иванов, 1959, с. 12).

Первоначально лингвисты обратили внимание на сходство тохарских языков с итало-кельтским (Х. Педерсен, Ж. Вандриес, Ф. Зоммер, А. Вальде, Ж. Шарпантье), против чего категорически возражал Й. Покорны, рассматривавший тохарский как фракийский или фрако-фригийский диалект, родственной армянскому.

В ходе дальнейших исследований исследователи обратили внимание на особо тесные связи, объединяющие тохарский с фрако-фригийским, германским и балто-славянским (Р. Келлог, Е. Швентнер, В. Краузе, В. Порциг, Э. Бенвенист) (Георгиев, 1958, с. 3-4).

Примечание от редактора ВЕНПС: Мнение Р. Келлога, Е. Швентнера, В. Краузе, В. Порцига и Э. Бенвениста об особо тесных связях, объединяющие тохарский с фрако-фригийским, германским и балто-славянским языками, подтверждается, по мнению Б.А. Муратова, данными ДНК-генеалогии. См. ниже схему 1.

Схема 1. Предки тохар по данным ДНК-генеалогии (Б.А. Муратов). Согласно этой схеме первые носители тохарских языков с прото-кельтами, прото-балтославянами и прото-германцами являются потомками субклада R1a-Z282

Тохарская морфология и фонологическая система находят соответствие в финно-угорских языках, существуют также лексические связи с хеттским языком (Иванов, 1959, с. 11, 35-36).

Выдающийся французский лингвист Э. Бенвенист отнес тохарские языки к доисторической группе, граничившей, с одной стороны, с балтийским и славянским языковым единством, с другой, греческим, армянским и фрако-фригийским. По мнению автора: 1) у тохарского языка нет ничего общего с индоиранским; 2) наличие в итало-кельтском и тохарском окончаний медиопассива на -г является не свидетельством их связи, а пережитком общеиндоевропейского состояния; 3) сходство с германским имеется только в лексике; 4) возможно, тохарский и хеттский принадлежали в древности к одной диалектной группе. В результате анализа степени родства с перечисленными языками Э. Бенвенист предположил зону первоначального распространения тохарского – район степи юго-востока России до Урала, но до периода распада «индоевропейцы обитали еще восточнее – в киргизских или даже алтайских степях» (Benveniste, 1936; Бенвенист, 1959, с. 94, 100, 104-108).

В. Краузе, в свою очередь, также рассматривает наличие медиопассивных окончаний на -г как характерный признак не только латинского или древнеирландского, но и хеттского, фригийского и, очевидно, армянского языков. Наряду с этим отмечают связи с балто-славянским, которые, как можно понять, относятся к другому, более позднему времени. Еще позже, уже в бассейне р. Тарим в тохарском появляются черты, приобретенные в результате контакта с иранскими племенами. В тохарском есть также неиндоевропейское влияние, оказанное каким-то агглютинирующим языком, возможно, дравидским, но, вероятнее всего, финноугорским, кавказским или тем и другим вместе (Краузе, 1959, с. 76-81). В. Краузе помещал прародину тохаров приблизительно между Днестром и Уралом, с чем полностью соглашался В. Георгиев, который выделял германцев, балто-славян и тохаров в отдельную диалектную группу, распавшуюся, вероятно, в IV или IV-III тыс. до н. э. (Георгиев, 1958, с. 20).

Дж. Лэйн в статье «Tocharian: Indo-European and Non-Indo-European Relationships» приводит полноценный критический анализ всех сложившихся представлений о языке и прародине тохаров, в которой, в целом, разделяет мнение Э. Бенвениста

относительно места тохарского в системе индоевропейских и неиндоевропейских связей. Автор так же недоверчиво относится к доводам о предпочтительных связях тохарского с кельтским и италийским, предпочитая настаивать на существовании долгого периода особо тесных контактов между носителями тохарского и фрако-фригийского (и, возможно, армянского), имеются доводы в пользу явных соответствий в хеттском и греческом (Lane, 1970, с. 77-78, 83- 84). Относительно общих черт в тохарском и славянских языках Дж. Лэйн утверждает: «It was no doubt with the Slavic speakers that the Tocharians had their last Indo-European contacts before the very late influence of the Iranians and Indians» (Lane, 1970, с. 79). Вслед за этим тохарские приобретают некоторые черты, отражающие влияние прафинно-угорских языков, не исключены также контакты с древнетюркскими или какими-то иными диалектами алтайской семьи (Lane, 1970, с. 80). Дж. Лэйн отрицает сколько-нибудь серьезное влияние на тохарский севернокавказских языков, в связи с чем не может согласиться с предположением о миграции тохаров из причерноморских степей, тем более, в IX-VIII вв. до н. э., как думали многие ученые, отождествлявшие тохаров с киммерийцами. Автор вновь акцентирует внимание на тохаро-финно-угорских языковых соответствиях и соглашается с версией Дж. Девото, что тохарами могла быть какая-то часть фатьяновской культуры Центральной России. Ареал распространения культуры как нельзя лучше позволяет объяснить ранние контакты пратохаров и с предками славян, и с угро-финнами (Lane, 1970, с. 81). Дополнительным аргументом послужила весьма распространенная в те годы так называемая «лососевая теория», согласно которой прародина индоевропейцев была там, где водились лососевые породы рыбы⁸. Однако, как подчеркивает Дж. Лэйн, название лосося в германском, балтском и славянском не вполне соответствует тох. В слову *laks*, которое означает просто «рыба» (Lane, 1970, с. 77, 82-83)⁹.

Д. Адамс в определении места тохарского по отношению к языкам индоевропейской семьи применил уже испытанный однажды статистический метод, несколько его модернизировав. В дополнение к фонетическим и морфологическим признакам был использован подсчет лексических соответствий. В результате предполагается близость пратохарского и прагерманского диалектов еще на стадии протоиндоевропейского единства; следующим по времени контактом и количеству соответствий является

греческий; меньше связей имеется с балтским, латинским, индийским и другими диалектами. Греко-тохарские контакты осуществлялись на том же этапе, когда оба они имели общение, по крайней мере, с одним неиндоевропейским языком. Время обособления прототохарского Д. Адамс относит ко второй половине IV тыс. до н. э., когда носители тохарского покидают так называемую «северо-западную группу», занимавшую территорию между Эльбой и Днестром, к северу от Карпат. Данная диалектная общность, по мнению автора, соответствует археологической культуре шаровидных амфор (Globular Amphora culture), распространенной в Восточной Германии, Польше, Галиции и Волыни, а также Румынии и Молдавии. После ухода с этого пространства прототохары в первой половине III тыс. до н. э. контактировали с носителями греческого, возможно, где-то в Молдавии. В движении на восток через причерноморские и азиатские степи они встретились с носителями праиндийского и вовлекли в поход новые народы, «тохаризируя» их по пути в Китайский Туркестан (Adams, 1984, с. 400-401).

Как всегда, совершенно оригинальную идею о происхождении тохаров предложил в 1962 г. удивительный ученый В. Б. Хеннинг (1908-1967). Изначально прототохары представляли собой большой и многочисленный народ, состоявший из многих племен, говоривших на различавшихся между собой диалектах. Поскольку архаичные тохарские языки отделились от общеиндоевропейской общности относительно рано, они непременно должны были попасть в сферу ближневосточного влияния и, соответственно, оставить следы в письменной традиции Месопотамии. Если индоарики после распада индоиранского единства обнаруживаются в источниках около 1500 г. до н. э., значит, мы вправе ожидать упоминания о тохарах в 2000 г. до н. э. или даже раньше. В этой связи автор обращает внимание на имя страны и народа Gutī (Kutī) или Gutium (Kutium), впервые встречающееся в клинописных документах, относящихся концу раннединастического периода (XXIII в. до н. э.), аккадской династии времени правления Нарам-Сина – одного из величайших завоевателей в истории Вавилона. В.Б. Хеннинг приводит отрывок из «Хроники Вейднера», где описывается ярость бога Мардука, обращенная против Нарам-Сина, орудием которой выступают орды Gutium. Под ударами гутиев Аккадское царство пришло в упадок и пало, в Месопотамии наступил период правления т. н. «кутийской династии» (около 2100 г. до н. э.), длившийся, по разным

подсчетом, 91 или 124-125 лет. Для управления подчиненными территориями гутии избрали местом своего пребывания горы Западного Ирана, где-то в долине Нижнего Заба, и пришли они туда относительно недавно, еще при жизни Нарам-Сина. В.Б. Хеннинг отдает должное мнению германского ученого А. Унгнада о приходе гутиев с Востока, точнее, из «Русского Туркестана», но сам рассматривает в качестве вероятной точки исхода степи Южной России, откуда гутии проникли в Месопотамию через Дербентский перевал¹⁰ (Henning, 1978, с. 217-219).

После ухода гутиев из Месопотамии какая-то часть этого народа осталась на северных границах, и время от времени упоминания о них, нередко в качестве объекта работорговли, можно найти и в последующие эпохи. Часто в древних текстах, к примеру, в надписи Хаммурапи (1792- 1750 гг. до н. э.), указывается на физическое и этническое отличие пограничных народов, «чьи холмы далеки и чьи языки странны», от жителей «нижних земель». Надпись Хаммурапи наряду с Gutium содержит название страны Tukriš, чьи земли располагались где-то к востоку или северовостоку от Gutium. Также Tukriš (вместе с Gutium) и ее царь Kiklipatalli упомянут в повести из Богазкёя о доисторическом царе Элама. Постоянно проявляющаяся территориальная и хронологическая взаимосвязь Гутиум и Тукриш позволила В. Б. Хеннингу предположить, что «Tukri and Guti were two closely allied brother nations that came together to Western Persia and who left it together shortly before the end of the third millennium» (Henning, 1978, с. 220-221). В самом конце III тыс. до н. э. эти народы мигрировали из Западного Ирана в Китай, где рассеялись на обширном пространстве от Китайского Туркестана до провинции Ганьсу западнее р. Хуанхэ¹¹. Часть населения стала вести оседлый образ жизни, другая часть — кочевой, что со временем, наряду с географическим фактором, обусловило языковое обособление. Из Западного Ганьсу более подвижные кочевники продвинулись дальше на восток, где около II в. до н. э. попали в поле зрения китайских хронистов, которые зафиксировали их самоназвание Guti двумя иероглифами, звучащими в современном китайском как Yü-chih. Таким образом, Guti (отсюда Kuči) и Yü-chih абсолютно эквивалентны, тогда как название Tukri идентично позднейшим Туүгі и Тухāг. В позднейшее время как Туүгі, так и Kuči могли служить для политического и географического обозначения всей страны, протянувшейся от Кучи до Турфана и известной как «Земля четырех Туүгі»: Kuči (тюрк. Kūsän) на западе,

Argi/Qarašahr на востоке, Turfan на северо-востоке и район к северу от Турфана – Bišbalik (Henning, 1978, с. 221-226).

Гипотезу В. Б. Хеннинга, за исключением тезиса о приходе предков тохаров из южнорусских степей, всецело поддерживают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Авторы еще раз внимательно рассмотрели хронологию событий ближневосточной истории, связанных с Guti (Kuti). Первые письменные свидетельства о вторжениях гутиев в северные области Месопотамии относятся ко времени Шаркалишарри (начало правления около 2230 г.), сына и наследника Нарам-Сина. После периода «кутийского господства», в старовавилонский период (начало II тыс. до н. э.) сообщения о Kuti относятся к более отдаленным северо-восточным областям, где они периодически вступают в союзы с такими же чужими (т. е. не жителями Вавилонского царства) народами. Упоминаются гутии и в клинописных текстах нововавилонского и новоассирийского периодов, но, по мнению авторов, это всего лишь дань традиции и обозначение географического пространства, а не конкретного этноса¹² (Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 14-18).

Tukri в старовавилонский период (начало II тыс. до н. э.), в отличие от Kuti, прославились не набегами и войнами, а ремеслами и торговлей. Тукри производили металлические сосуды и художественные крашеные ткани, из-за чего в аккадский язык вошло понятие «tukrašhu» – «à la toukri». Из шумерского гимна о Тильмуне можно понять, что страна Тукриш поставляет ляпис-лазурь и переправляет золото из страны Харали, поэтому Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов допускают возможность расположения Tukri между современными городами Керманшах и Хамадан. В надписи Хаммурапи из Ура Элам, страна гутиев, Субарту и Тукриш упомянуты вместе, точно так же в богазкёйских текстах правители Элама, Луллу и Тукри перечислены совместно. В надписи Шамши-Адада I сообщается о дани Тукри и Верхней Страны, и, наконец, согласно ассирийскому географическому трактату о размерах царства Шаррукина Аккадского, Тукриш располагался к северу от Элама, где-то в 640 км от центра Месопотамии (Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 23).

Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов, как раньше и В. Б. Хеннинг, приходят к выводу, что прототохарский язык уже к III-II тыс. до н. э. состоял из двух отдельных диалектов, обусловивших сложение известных по средневековым текстам из Восточного

Туркестана языков Киҗи и Туҗги. Реконструкция древнейшей истории тохарских языков в изложении авторов в общих чертах выглядит следующим образом (Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 23-26; 1984, с. 371-428; 1989, с. 23-35; Иванов, 1992а, с. 7-29):

1. К V тыс. до н. э. позднеиндоевропейская общность распадается на два диалектных ареала. Тохарский входит в одну группу с хеттским, италийским, кельтским и фригийским; другая группа включает греческий, армянский, индоиранский и, вероятно, германский и балтославянский диалекты.

2. В V – начале IV тыс. до н. э. вслед за выделением общеиндоевропейского ареала анатолийского тохаро-кельто-италийская общность распадается: тохарский уходит из первоначального ареала, кельто-италийская диалектная общность объединяется с «древнеевропейской».

3. В IV-III тыс. до н. э. осуществляются долговременные контакты тохарского с анатолийским, а также диалектами армяно-греческо-индоиранской группы, которые имеют объединяющие их черты.

4. Не позднее III тыс. до н. э. носители армяно-греческо-индоиранского диалекта остались в Передней Азии, в то время как прототохары примкнули к носителям древнеевропейских диалектов – кельтским, италийским, иллирийским, германским, балто-славянским.

5. В конце III-II тыс. до н. э. тохары вместе с носителями западноиндоевропейских диалектов мигрировали через Среднюю Азию, на территории которой не позднее II тыс. до н. э. контактировали с носителями восточноиранского диалекта (разумеется, после распада индоиранского единства)¹³.

Контакт с восточноиранским, продолжавшийся на протяжении всей истории тохарских языков, начинается уже либо в процессе миграции тохаров на восток, или предшествовал ей. Наиболее ранние контакты тохарского с иранским восходят к I тыс. до н. э. и связаны не столько с авестийским и древнеперсидским языками, сколько с каким-то неизвестным древнеиранским диалектом, вероятнее всего, далеким предком современного осетинского (Pinault, 2002, с. 245).

6. До рубежа II-I тыс. до н. э., вероятно, в пределах Средней Азии образуются многочисленные финно-угорские и тохарские

лексические и фонологические схождения, на основании чего предполагается даже двуязычие контактировавших групп прототохарского и прафинно-угорского населения.

7. По-видимому, к I тыс. до н. э. относятся заимствования из тохарских диалектов, выявленные уже в раннем (до отделения прабулгарского) пратюркском языке. Особо отмечается, что «некоторые же из предполагаемых заимствований в пратюркском языке восходят либо к неизвестному нам диалекту пратохарского, либо к близкородственному индоевропейскому языку» (Иванов, 1992а, с. 14). Тохарская система и форма письменных знаков послужила также моделью для тюркского рунического письма. Тохаро-тюркское взаимодействие продолжалось с перерывами на протяжении всего периода письменной истории тохарских языков, часто служивших для передачи восточноиранских и санскритских слов в древнетюркский, а также монгольский языки. Допускается возможность ранних контактов тохаров с носителями восточноалтайских языков, таких как корейский.

8. К III в. до н. э. относятся факты первых контактов тохарского и древнекитайского языков, причем заимствование слов происходило как из тохарского в китайский, так и наоборот. Вяч.Вс. Иванов особо обращает внимание, что не нужно преувеличивать, как иногда бывает, масштабы тохаро-китайского взаимодействия, поскольку задолго до этого уже существовали связи индоевропейских и сино-тибетских диалектов, датируемые намного более ранним временем. «Часть бесспорных и очень ранних индоевропейско-китайских языковых и культурных связей можно отнести на счет не исторических тохаров, а некоторых других, позднее исчезнувших индоевропейских племен, распространявшихся на восток Евразии» (Иванов, 1992а, с. 15-16, сноска 17)¹⁴.

В ходе новейших исследований в области сравнительного языкознания выявляется некий неизвестный центральноазиатский язык. Г. Карлинг, отмечая известный факт отсутствия связей тохарского и общеиндоиранского, рассматривает вопросы контактов тохарского с индоарийским, происходивших, вероятно, не позднее II тыс. до н. э. В результате обнаруживается ряд ранних заимствований и в прототохарский, и в индоиранский/ранний индоарийский (вероятно, и в китайский) из одного и того же неизвестного языка-донора, существовавшего некогда в Центральной Азии (Carling, 2005, с. 52-54, 66).

Для обозначения населения Восточного Туркестана древние китайцы использовали термин «да (большие) юечжи» — племенной союз, в который, вероятно, входили и тохары. После поражения от хунну в 174 г. до н. э. они ушли в Среднюю Азию, в конце II в. до н. э. сокрушили ГрекоБактрию и основали могущественную Кушанскую империю, существовавшую до середины III в. н. э. Проблема согласования этнонимов юечжи — тохары — кушаны, титулов и имен царей Кушанской династии составила суть пресловутой «тохарской проблемы», так блестяще освещенной и сформулированной И. Умняковым и весьма далекой от разрешения даже в наши дни.

Последовательность событий истории юечжи детально изложена в специальной статье Ю.Н. Рериха. Первоначально орда да юечжи, в которую могли входить и другие этнические элементы, занимала пространство между оазисом Дуньхуан на западе и городом Ганьчжоу в провинции Ганьсу на востоке, в том числе южномонгольский степной пояс на севере. Между 174 и 165 гг. до н. э. да юечжи вынуждены были уйти на запад, к Тянь-Шаня, чему хунну всячески стремились воспрепятствовать. В районе Восточного Тянь-Шаня юечжи встретились с племенем усунь, «сарматским по происхождению (<*o-swen<asianī<as-os)>», кочевья которого охватывали земли между Лобнором на юге и Алтаем на севере. Будучи с 176 г. до н. э. данниками хунну, усунь в 160 г. до н. э. способствовали очередному разгрому юечжи, добившись, таким образом, политического господства над ними и оттеснив еще дальше на запад. К западу от озера ИссыкКуль юечжи столкнулись с племенами саков (сэ), заставив последних передвинуться на юго-запад, в Согдиану. Двигаясь вслед за ними, юечжи между 133 и 129 гг. до н. э. расположили свою ставку около Цзяньшичэна, вероятно, где-то в Согдиане. Около 130 г. до н. э. они, переправившись через Амударью, вторглись в Греко-Бактрию, но в 128 г. до н. э. главная их ставка еще находилась к северу от Амударьи (Рерих, 1963, с. 118-121). На захваченных землях, коренное население которых было ираноязычным, юечжи образовали пять владений: Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь и Думи. Где-то в середине I в. до н. э. правитель Гуйшуана по имени Куджула Кадфиз подчинил все прочие владения и стал основателем Кушанской империи, известной под названием Кушаншахр¹⁵ (Крюков, 1988, с. 235-240). Имена кушанских правителей, таких как Канишка, Хувишка, Васишка, включающие суффикс -šk-, Вяч. Вс. Иванов предлагал объяснить происхождением из тохарского, но встретил резкое

противодействие со стороны специалистов по иранскому языкознанию. Иранские этимологии лучше подходят для перечисленных имен, хотя и не подтверждаются на материалах бактрийского языка (Иванов, 1992а, с. 19).

Одни исследователи ставят знак равенства между асиями, исседонами, кушанами и усунями, с одной стороны, и юечжи, тохарами и массагетами, с другой, настаивая на ираноязычности обеих групп (Бернштам, 1947)¹⁶.

Некоторые ученые утверждают тезис об идентичности тохаров, усуней и больших юечжи, говоривших, по их мнению, на иранском (сакском) языке (Enoki, Koshelenko, Haidari, 1996, с. 174), и видят в создателях рукописей на тохарских А и В только малых юечжи (Tarn, 1997, с. 285-289). Многие придерживаются сформулированной еще в 20-е гг. XIX в. версии А. Rémusat – J. Klaproth о тождестве больших юечжи и массагетов (Franke, 1904; Толстов, 1940, с. 207; 1948, с. 242-245). И. В. Пьянков отрицает взаимосвязь этнонима юечжи с именами массагетов или скифов, этнонима тукри аккадских источников и тохаров, но предлагает вполне здоровое решение дилеммы тохары-юечжи. По мнению автора, тохары являлись оседлым населением оазисов Таримского бассейна, находившимся под управлением номадов асиев-юечжи, а в языковом отношении юечжи были юго-восточными иранцами (Piankov, 2010, с. 103-104).

В среднеазиатской археологии давно утвердилось мнение о связи подбойных и катакомбных захоронений с юечжи (А.М. Мандельштам, Б.А. Литвинский, Ю.А. Заднепровский, Б.И. Вайнберг). Эти курганные могилы имеют определенное сходство с памятниками сарматского круга, отчего О.В. Обельченко предполагал видеть в юечжи одно из сарматских племен. Однако А.М. Мандельштам указал на существенное отличие погребений Согда и Северной Бактрии: в первых ориентация костяков южная, в Бактрии преобладает северная. Другие исследователи видят юечжи в пазырыкской культуре Горного Алтая, что подразумевает включение их в евразийский круг степных ираноязычных племен, но имеющиеся на территории Бактрии погребения явно отличаются от пазырыкских, да и захоронений лошадей не обнаружено (см. Захаров, 2002, с. 447-452). Ради объяснения взаимосвязи юечжи и тохаров приверженцы «пазырыкской» версии предложили совершенно искусственное построение, согласно которому юечжи разделялись на северную и южную группы.

Северные юечжи отнесены к скифо-сакской, т. е. восточноиранской общности, южные юечжи предположительно являлись тохарами (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 62-68). Надо сказать, что ни в исторических источниках, ни в археологических материалах Средней Азии не содержится ни малейшего намёка на столь странную интерпретацию.

И раньше, и сейчас большинство исследователей сходятся в том, что данные китайских хроник о юечжи соответствуют сведениям греко-римских источников II в. до н. э. – II в. н. э. о тохарах. Среди народов, завоевавших Греко-Бактрию, помимо асиев, пасианов и сакараулов, названы тохары. Около 128 г. до н. э. владение юечжи уже располагалось по Амударье, в 124 или 123 г. до н. э. парфянский царь Артабан был убит во время войны с тохарами (Pulleyblank, 1966, с. 25). В то же время приводятся названия племени Θάγουροί, гор Θάγουρον и города Θοῦρα πόλις, расположенного на восточной оконечности торгового пути в Ганьсу. О тохарах писал около 125 г. н.э. Дионисий Периегет: «И тохары, фруны и варварские народы серов, – они, отвергая быков и тучных овец (или коз), собирая пестрые цветы в пустынной стране, изготавливают одежды искусные, знаменитые, окраской подобные цветам луговой травы; не напрасно бы с этим и труд пауков состязался» (Пьянков, 1986, с. 9; 1988, с. 193). Городом Тогара считается г. Ганьчжоу, однако Ю. Н. Рерих обращает внимание, что в одном документе на восточноиранском языке упоминаются вместе и город Тогара и город Ганьчжоу (kamāsū).. Возможно, городу Тогара больше соответствует г. Увэй (Лянчжоу), в котором жил и работал Кумараджива (344-413 гг.), прославившийся своими переводами на китайский язык¹⁷. Тохароязычный уроженец Кучи, тохар по материнской линии Кумараджива переводил санскритское слово «tukhāga» как «сяо юечжи» (Рерих, 1963, с. 121-122; Иванов, 1992а, с. 26).

Малыми (сяо) юечжи стала называться та часть племени больших юечжи, которая осталась в кочевьях усуней, и именно в них Ю.Н. Рерих видит создателей тохарских текстов V-VIII вв. н. э. Одни поколения сяо юечжи попрежнему жили в Ганьсу, в горах Наньшань: в 121 г. до н. э. они занимали район между Сучжоу и Ганьчжоу и постепенно смешалась с тибетскими племенами цянов. Другие обитали в горах к юго-западу от Дуньхуана, в 100 ли к югу Ганьчжоу, где упоминаются еще в 932-942 гг. н. э. Племя чжунъюань, обитавшее к западу от Дуньхуана и южнее Лобнора, также считалось потомками малых юечжи. В тибетской литературной традиции имеются

сведения о двух тохарских провинциях: на северо-востоке и северо-западе Тибетского нагорья, к юго-западу от Памира (Рерих, 1963, с. 121).

С малыми юечжи, вероятно, связано происхождение известных по греческим письменным источникам кидаритов, племенное название которых происходит от имени их предводителя Кидары. В китайских хрониках он выступает как правитель юечжи Цидоло (kjie-tâ-lâ), возглавивший поход в Северную Индию и Среднюю Азию где-то во второй половине IV в. н. э. Похоже, этимология отдельных имен юечжи, в том числе малых юечжи, находит соответствие в тохарских языках, как предполагал Э. Пуллиблэнк, на обзоре работ которого хотелось бы остановиться отдельно.

Э. Пуллиблэнк исходит из установленного факта, что носители тохарского после отделения от общеиндоевропейской семьи долгое время находились в изоляции, контактируя лишь с неиндоевропейскими языками. Вне зависимости от того, где располагалась прародина индоевропейцев, на востоке или на западе, тохары всегда располагались восточнее индоиранцев, и следы их присутствия надо искать в доисторических культурах Китая. В качестве претендента рассматривается археологическая культура Цицзя (2300-1800 гг. до н. э.), охватывавшая территорию от восточной части Ганьсу до провинции Цинхай. В исторический период для Китая ближайшими представителями индоевропейской семьи были тохары, поселившиеся на северной окраине Таримского бассейна не позднее арийского вторжения в Индию во II тыс. до н. э. и даже еще раньше (Pulleyblank, 1966, с. 14, 29, 35; Pulleyblank, 1983, с. 457-458).

Пуллиблэнк видит в китайском названии Даюань – Та-уяп этноним *Тахвар, откуда происходит греческое τόхарοι, и соглашается с Дж. Марквартом по поводу идентичности юэчжи (Yüeh-chih=*Ywati) и народа ятии (Ἰάτιοι) Птолемея, жившего в верховьях Яксарта (Сырдарьи). Название древней столицы государства Даюань – города Гуйшань (Kueishan) отражает имя кушан (Kushan), что является еще одним аргументом в пользу изложенной версии¹⁸. Особо указывается на тесные связи, объединяющие, по китайским источникам, юечжи, усуней, жителей владений Давань и Канцзюй (K'ang-chü), но совершенно отрицается общепринятая локализация государства Давань в Ферганской долине. По мнению Э. Пуллиблэнка, кроме обитателей оазисов Таримского бассейна, во II в. до н. э.

существовал еще целый ряд народов, говоривших на тохарских языках. К ним относятся малые юечжи (*Ywati) в Ганьсу, усунь (Wu-sun) к северу от гор Тянь-Шань, Канцзюй, Даюань и собственно большие юечжи (Pulleyblank, 1966, с. 22-29, 36). Позже последовало уточнение: в оазисах северного и восточного Синьцзяна располагались тохароязычные города-государства, а кочевники, родственные им по языку, жили в Ганьсу и Тянь-Шане (Pulleyblank, 1983, с. 460). В последующих работах отстаивается та же точка зрения: Канцзюй и усунь, как и юечжи, вероятнее всего, говорили на тохарском языке (Pulleyblank, 1999, с. 154).

А.К. Нарайн основное внимание уделяет вопросу происхождения тохаров-юечжи, пытается разрешить дилемму: были они автохтонным населением Китая или пришли с запада, как полагает большинство исследователей. В. Б. Хеннинг предполагал движение прототохар через Кавказ из южнорусских степей, сначала в Месопотамию, оттуда в Восточный Туркестан. А. Унгнад считал, что предки тохар жили сначала в Русском Туркестане, Э. Пуллиблэнк видел их на границе Китая уже с конца III тыс. до н. э. (Qijia culture). В целом, все они, так или иначе, исходят из «курганной теории» М. Гимбутас, и, соответственно, прототохар рассматривали в связи с такими археологическими культурами как афанасьевская, андроновская и, по мнению Н.Л. Членовой, карасукская. Из существующих в то время мнений А.К. Нарайн присоединился к версии Э. Пуллиблэнка относительно тохарской принадлежности культуры Цицзя, но идет еще дальше. Автор новой, совершенно оригинальной теории ссылается на предположение авторитетного китайского археолога о якобы существующей преемственности культур Яншао и Цицзя, с одной стороны, и надуманной стратиграфической последовательности между Цицзя и культурами расписной керамики Синьцзяна, с другой.

В итоге А.К. Нарайн заключает, что неолитическая культура Яншао создана автохтонным населением, говорившим на тохарском или каком-то другом, не дошедшим до наших дней индоевропейском языке группы centum. Следовательно, движение юечжи на запад во II в. до н. э. было не возвратным моментом, а последней миграцией «первых» индоевропейцев из прародины (Narain, 1987, с. 12-16)¹⁹.

Библиография и примечания:

1. Сверчков Л.М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент, SMI-ASIA, 2012, 240 с.
2. Литературу и источники приводимые в статье см. Сверчков Л.М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент, SMI-ASIA, 2012, 240 с.
3. Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С.122.
4. К середине X в. та же участь постигла тохарский В, когда переписчики просто копировали священные тексты, не постигая их смысла.
5. Можно предположить, что возникновение труднопреодолимого догмата об идентичности китайцев – серов и гуннов – фрунов уходит корнями во времена миссий Рубрука и Плано Карпини. Остается открытым вопрос, если китайцы – это серы, то кто же тогда хины (сины)?
6. Насколько шатки доводы в пользу подобных самоназваний, производных от названий городов, можно судить по записям середины XIX в., принадлежащих перу Ч. Валиханова. «Туземные жители Малой Бухарии общего народного имени не имеют, а называют себя по городам...» (Валиханов, 1986, с. 167).
7. Согласно господствующей в сравнительном языкознании с конца XIX в. теории деления индоевропейских языков на две группы – centum (западная) и satem (восточная).
8. О видах лососевых, ареале их обитания и слове «лосось» в индоевропейских языках см. Jamieson, 1988.
9. Похоже, тохары вообще слабо разбирались в рыболовной терминологии, не различая даже сорта рыбы.
10. По аналогии с ближневосточной ситуацией в конце III тыс. до н. э. приводятся данные Геродота о вторжении киммерийцев и скифов в конце VIII в. до н. э.
11. Подтверждение своей идеи В. Б. Хеннинг находит также при сопоставлении археологических материалов из доисторического Ирана и Древнего Китая, опубликованных Э. Херцфельдом: сходство их настолько несомненно, что исключает всякую возможность независимого происхождения.
12. Этому мнению противоречат упоминания рабов-гутиев, изредка встречающиеся в тех же клинописных текстах начала I тыс. до н. э.
13. Армяно-греко-индоиранская диалектная общность сначала распадается на греческий и армяно-индоиранский; не позднее

начала III тыс. до н. э. происходит обособление индоиранского и армянского; распад индоиранского относится к концу III тыс. до н. э. Признаки контактов тохарского с общеиндоиранским отсутствуют.

14. Отдельные ранние заимствования, зафиксированные в древнекитайском языке уже в эпоху Чжоу (XI- IX вв. до н. э.), вероятнее всего, не являются тохарскими по происхождению (Carling, 2005, с. 56-57).

15. Наиболее раннее упоминание названия Тухоло – Тохаристан датируется 383 г. н. э. (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 119).

16. К сожалению, мы мало что знаем о языках перечисленных народов, как, впрочем, и большинства остальных.

17. По досадному недоразумению деятельность Кумарадживы иногда связывают с территорией Тохаристана – Тухоло китайских письменных источников.

18. По мнению Э. Пуллиблэнка, до китайских походов за «небесными конями» в 101 г. до н. э. столицей Давани был город Эрши – Erh-shih (Pulleyblank, 1966, с. 26).

19. Первым движением предков тохаров-юечжи на запад, по А. К. Нарайну, надо полагать, было вторжение Guti в Месопотамию в конце III тыс. до н. э.

